Естественно-научное основание евгенического проекта

Ю. В. Хен

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

hen@iph.ras.ru

Рассматривается связь евгеники с естествознанием. Показывается, что отсылки классической евгеники к дарвинизму носят сугубо иллюстративный характер и потому не могут рассматриваться как научное доказательство необходимости усовершенствования «человеческой породы». Основываясь на анализе повторяющихся мотивов, которые характерны для евгенического дискурса (тема вырождения человечества, «научный» подход к принципам селекции, государственный контроль за размножением людей), автор выделяет структурные элементы теорий усовершенствования человека.

Ключевые слова: евгеника; вырождение; качественная демография; генетика человека; расовая гигиена; дарвинизм; эволюционизм; философия биологии.

Scientific Foundation of Eugenic Project

Ju. V. Khen

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

hen@iph.ras.ru

The author discusses the relationship of eugenic theories with data of the natural sciences, showing that classic eugenics' reference to Darwinism has illustrative nature and cannot be considered as scientific proof of need to improve "human breed". Based on the analysis of repetitive motifs peculiar to eugenic discourses (degeneration of mankind, "scientific" approach to the principles of selection, State control over human reproduction), the author identifies structural elements of human enhancement theories.

Keywords: eugenics; degeneration; qualitative demography; human genetics; racial hygiene; Darwinism; evolutionism; philosophy of biology.

Идея создания совершенного человека («евгенический проект») возникает задолго до формирования социальной потребности в подобном усовершенствовании и прослеживается на протяжении всей истории человечества, независимо от наличия (или отсутствия) реальной возможности воздействовать на человеческую природу. Эта особенность указывает на архетипичность евгенических представлений.

Ранние евгенические утопии, к числу которых можно отнести «Политику» Аристотеля [1], «Государство» Платона [2], «Утопию» Томаса Мора [3], а также «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы [4], создавались во времена, когда основные демографические проблемы человечества, такие как голод, перенаселение и вызванные им болезни и т. д., еще не проявились в полную силу. Иными словами, никакой необходимости

менять человеческую природу не было, поскольку и обычное («природное») человечество вполне успешно справлялось с задачами жизни и продолжения рода, а баланс смертности и размножения в достаточной мере регулировался отсутствием противозачаточных средств, с одной стороны, и войнами, болезнями и наличным запасом продовольствия — с другой. Таким образом, сегодня мы можем утверждать, что со времен античности, к которым восходят первые евгенические утопии, и вплоть до Новейшего времени отсутствовал «социальный заказ» на контроль размножения, а разработка евгенических концепций веками велась на опережение, «впрок».

«Научный» этап в развитии евгеники принято связывать с именем английского естествоиспытателя и врача Ф. Гальтона, использовавшего в качестве обоснования необходимости селекции человеческого материала эволюционную теорию Ч. Дарвина. Благодаря дарвинизму развитие живой природы удалось представить как единый процесс, в основу которого были положены естественные законы, объективные, непреложные, но доступные научному познанию. В этой рациональной картине человек был представлен как одна из частей, участвующая в процессе эволюции «на общих основаниях» и подчиненная действию тех же неотвратимых законов, которые сформировали все прочие виды. Отношение к человеку как к одному из произведений природы («животному») позволило дать объяснение многочисленным фактам «неблагополучия» человечества. Из теории происхождения видов следовало, что главный механизм эволюции — это борьба за существование, позволяющая выживать только наиболее приспособленным и здоровым, поддерживающая высокий физический стандарт вида и регулирующая численность особей. Борьба за существование была провозглашена движущей силой эволюции, объясняющей развитие не только в живой природе, но и в социуме. И это последнее оказалось опаснее всего, поскольку, как мы знаем, через весьма непродолжительное время

дарвинизм перестал быть достоянием только науки и оказался на вооружении у социал-дарвинизма и прочих примитивных биологизаторских концепций. В связи с этим представляется вполне понятным то, что «научная» евгеника породила не только утопии (возрожденная Германия А. Плётца, «Cantsaywhere» Ф. Гальтона), но и гораздо большее количество антиутопий («Единое Государство» Е. Замятина, «Мировое Государство» О. Хаксли и др.).

Надо признать, что стремительный расцвет «научной» евгеники, сопровождавшийся взрывом интереса со стороны общественности, был вызван к жизни не только выходом в свет «Происхождения видов...», но и тем обстоятельством, что период, в который произошло ее теоретическое оформление (конец XIX — начало XX в.), для западной цивилизации был действительно тяжелым. Широко распространились туберкулез, сифилис, алкоголизм и проституция (падение нравов расценивалось как результат вырождения). Один из немецких врачей писал о «волне идиотизма», грозящей затопить Европу. Первая мировая война и революции, которые тоже стали предметом расово-гигиенических инсинуаций, несколько не улучшали картину перспектив человечества. Все это наводило людей (даже вполне уравновешенных и здравомыслящих) на мысль о необходимости *разумной и целенаправленной* коррекции природы человека. Тема усовершенствования «человеческой породы» приобрела большую популярность, причем не только в научных кругах, но и у всех тех, кому дарвинизм пришелся по вкусу, поскольку *показался* простым и внятным, своеобразной «теорией всего», дающей натуралистическое объяснение и природе, и обществу. Это породило огромное количество текстов на тему евгеники, самого разного толка и уровня. Однако обилие публикаций, к сожалению, не сопровождалось «продвижением проблемы»: большинство из них были откровенно дилетантскими и содержали стандартные послышки и выводы.

Заметим в скобках, что у естествоиспытателей к Дарвину с самого начала было

множество претензий и вопросов, которые по-прежнему остаются без ответа. Основная проблема дарвинизма, на наш взгляд, состоит в том, что естественный отбор не объясняет появление новых качеств («отбор» только *отбирает* из того, что уже есть), тогда как именно это должна делать теория возникновения и развития жизни на Земле. Таким образом, строго говоря, дарвинизм не является теорией *эволюции*, поскольку лишен ядра, каковым в данном случае должен быть механизм новообразования. Его невероятная популярность объясняется только тем, что он органично подходил для объяснения социальных процессов.

Анализ евгенических утопий (с древнейших времен до наших дней) показывает, что для них *характерны* повторяющиеся элементы. Так, в качестве исходного пункта неизменно берется тезис о вырождении человека (причины разнятся в зависимости от конкретной эпохи: это может быть «грехопадение», зависть богов или ослабление давления естественного отбора). Вторым элементом, неизменно присутствующим в евгеническом дискурсе, является обращение к науке в широком смысле слова. Под «наукой» имеется в виду «объективное» знание процедуры получения требуемых качеств. Например, Кампанелла полагался на точный астрологический расчет, а современные генетики — на картирование генома. Еще одна общая черта евгенических проектов — апелляция к государственному контролю.

Повторяемость названных элементов, а также тот факт, что рождение идеи значительно опередило формирование общественной потребности, позволяет рассматривать евгенические теории как единый социальный проект, подвергшийся с течением времени определенным метаморфозам. Формальной (заявленной) целью этого проекта было создание совершенного человека. Но какова действительная цель евгеники, станет ясно из анализа основных элементов, составляющих каркас евгенических теорий.

Воспроизводя структуру евгенических статей классического («гальтоновского») периода,

начнем с темы вырождения. Об этой проблеме было написано множество монографий, общей чертой которых является отсутствие сколько-нибудь объективного подтверждения существования факта вырождения. Авторы евгенических трактатов исходили из того, что оно существует и признаки его самоочевидны, достаточно посмотреть вокруг. Далее следовало перечисление примеров ослабления здоровья населения, падения нравов, роста психических заболеваний, алкоголизма — и все для того, чтобы объяснить необходимость введения мер «качественной демографии» (одно из названий евгеники).

В качестве иллюстрации приведем несколько выдержек из работ известных евгенистов, в том числе и весьма уважаемых ученых. Так, председатель петербургского отделения Русского евгенического общества Ю. А. Филиппченко, перечисляя признаки ухудшения здоровья населения, пишет следующее: «...В настоящее время благодаря изменению культурой нормального хода подбора замечается безусловное ухудшение многих качеств современного человека <...> Одним из симптомов подобного ухудшения является уменьшение способности сопротивляться различным неблагоприятным условиям вроде холода, голода, а также многим болезням. Люди, живущие в культурных условиях, гораздо хуже переносят всевозможные лишения, гораздо тяжелее реагируют на простуду и некоторые другие заболевания, которые раньше были практически неизвестны, между тем за последнее время число недугов, которым подвержено человечество, становится все больше и больше. Несомненно все это является следствием известного наследственного ослабления конституции, произошедшего благодаря тому, что подбором в настоящее время устраняются далеко не все слабые элементы, которые передают эту слабость потомству» [5, с. 145]. Другой евгенист того же периода, Л. Вольтман, особо указывает на христианскую мораль как на основной источник идей, чреватых вырождением человечества. Он пишет, что «у цивилизованных народов, развивших

свои социальные чувства и представления под влиянием христианской морали и гуманных идей, возникают мотивы и для индивидуальных действий и общественных учреждений, которые способны ограничить или даже совсем отменить гигиенический отбор. Филантропические чувства могут здесь достигнуть такой власти над умами, что сострадание к слабым, больным и менее способным оценивается в таких обществах прямо как высочайшая добродетель» [6, с. 239].

Доказав наличие вырождения (посредством примеров), авторы статей обращались к современной науке в поисках способа решения проблемы. Во времена Гальтона такое решение предлагала теория Дарвина о значении естественного отбора для поддержания высокого стандарта выживания вида. Подчеркивалось, что прогресс науки вывел селекционную работу на новый уровень. Как любили повторять евгенисты конца XIX в., то, что природа делала медленно, жестоко и вслепую, современный ученый способен сделать быстро, милосердно и целенаправленно. Тот факт, что евгеника опиралась на дарвинизм, который несомненно относился к сфере естественных наук (хотя признавали его далеко не все естествоиспытатели), придавал и евгенике видимость научного проекта. Однако более детальный анализ естественно-научного статуса евгенических теорий показывает, что эта связь носила чисто иллюстративный характер, следовательно, не может рассматриваться как доказательство научной обоснованности евгенической идеи. Таким образом, вопреки заявлениям последователей Гальтона, классическая евгеника оказалась не более научной, чем предшествовавшие ей древние утопии.

Тем не менее теория эволюции оказала большое влияние на сознание не только ученых, но и широкой общественности, которая активно включилась в обсуждение евгенических проектов. И здесь будет уместно вспомнить, что в годы Второй мировой войны именно вмешательство общественности и церкви способствовало сдерживанию и

прекращению многих расово-гигиенических акций. Жертв «санации» немецкой расы, очистки от «нежелательных элементов» могло бы быть гораздо больше (чем 300 тыс.), если бы не вмешательство церкви и просто равнодушных граждан.

Дарвиновская теория (по мнению евгенистов) хорошо объясняла причины неблагополучия человечества, которое, как оказалось, само загнало себя в ловушку биологического вырождения. Сторонники евгеники единодушно настаивали на том, что уход из-под давления естественного отбора с неизбежностью ведет к вырождению и в конечном счете к полному вымиранию. Следуя этой логике, Гальтон и его единомышленники заявляли, что социальные программы поддержки неблагополучных семей, требования христианской морали, развитие медицины, позволившей выжить и дать потомство многочисленным особям, которые иначе были бы обречены на смерть в юном возрасте, — все эти позитивные, на первый взгляд, новшества, призванные улучшать жизнь людей, ведут к вырождению человечества, деградации общества и в отдаленной перспективе — к гибели цивилизации. Современники Гальтона считали эту логику неопровержимой и сделали закономерный вывод о необходимости введения искусственного отбора, который бы выполнял в человеческом обществе ту же функцию, что и естественный в природе. Сила их аргументации состоит в том, что она не лишена рационального зерна. Так, сегодня мы имеем возможность наблюдать пагубные последствия внедрения выдающегося медицинского достижения: открытие инсулина, спасшее сотни тысяч человеческих жизней, сегодня привело к повсеместному распространению диабета. А распространение практики прививок повлекло за собой рост численности населения на Земле почти в семь раз за последние сто лет (по некоторым оценкам, в 10 раз). На фоне углубления экологического кризиса и сокращения ресурсов (старая мальтузианская проблема, только усугубленная) названные выше достижения человечества уже не выглядят чистым благом.

Именно на этом материале вырастают концепции наподобие «золотого миллиарда», определяющие для разных государств «квоту» особей, достойных жизни. Евгеническая идея питается этим субстратом, и поскольку проблемы «качественной демографии» остались неразрешенными в ходе критики расово-гигиенических мероприятий, она сохраняет актуальность и сегодня.

Создание совершенного человека было объявлено целью евгеники (другие названия — расовая гигиена, генетика человека), при этом евгенисты рассчитывали на получение быстрого результата, так как полагали, что, в отличие от селекционеров прежних времен, они располагают научным пониманием процесса воспроизводства «человеков».

Третьим элементом евгенического дискурса является обязательный контроль со стороны государства. С точки зрения евгениста, присутствие государства в этом деле служит двоякой цели. Оно должно, с одной стороны, организовать и финансировать дорогостоящую процедуру «искусственного отбора», а с другой, снять груз моральной ответственности за ведение евгенических мероприятий (а они обязательно окажутся непопулярными) с ученых-евгенистов. Эта тема подробно разбирается в работах выдающегося отечественного биолога Н. К. Кольцова, возглавлявшего Русское евгеническое общество в 1920—1930-х гг. В своей знаменитой речи об улучшении «человеческой породы» он подчеркивал, что ученый может сказать, *как* (т. е. какими научными средствами) может быть построен тот или иной идеал человека, но *каким* должен быть этот идеал — решать государству [7].

Суммируя сказанное, заметим, что ни идея вырождения, ни апелляция к «науке» сами по себе еще не являются признаком евгенической теории. Собственно евгеника начинается с момента слияния этих двух элементов с мыслью о необходимости введения государственного контроля за качественным и количественным составом населения. Примечательно в связи с этим то, что все известные проекты создания совершенного человека представляют собой

именно описание утопических *государств*, практикующих «научные» способы управления размножением. Таковы идеальные государства Платона и Аристотеля, Утопия Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы, возрожденная Германия А. Плётца, «Cantsaywhere» Ф. Гальтона и множество других, менее известных «проектов». Реальные «практические программы», разработывавшиеся евгеническими обществами и институтами в начале XX в., по понятным причинам также были адресованы властным структурам и содержали меры регуляции социальной жизни. Такая «политизированность» показывает, что действительная цель евгеники — вовсе не создание более совершенного человека, но контроль за размножением ради создания более удобных и полезных для государства граждан.

В заключение сделаем несколько замечаний по одному из самых дискутируемых вопросов евгенического дискурса: о целях и средствах евгеники. Традиционно считается, что евгеника преследует благородную цель, только предлагает для ее достижения плохие (жестокие) средства. Однако, как показывает анализ наиболее известных из евгенических проектов, ее антигуманные средства (сегрегация полов, принудительная стерилизация) — ничто по сравнению с той опасностью, которая заключена в ее благородных целях. Поскольку работа евгениста долгосрочная, а представления об идеальном человеке постоянно меняются, добиться оптимального результата не удастся никогда. Творение генной инженерии окажется невостребованным, когда достигнет совершеннолетия. Учитывая успехи современной генетики, которая впервые за всю свою историю сделала реальной возможность изменения человеческой природы, об этом необходимо постоянно помнить. До сих пор евгеника не смогла причинить ощутимого вреда лишь потому, что не располагала необходимыми средствами для воплощения своих замыслов. Но современная ситуация существенно иная. И если только мы в очередной раз не переоцениваем возможности науки, то с расшифровкой генома

и развитием биотехнологий евгеника получает реальную возможность для осуществления своих проектов. Теперь о ней можно говорить как о реальной силе (оружии). И это оружие, в силу чрезвычайно высокой стоимости, доступно только государству или крупным корпорациям — «исконным» противникам граждан.

Литература

1. **Аристотель.** Политика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376—644.
2. **Платон.** Государство // Сочинения: в 3 т. / Платон. Т. 3, кн. 1. М.: Мысль, 1971. С. 89—454. (Философское наследие).
3. **Мор Т.** Утопия. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 270 с., 1 л. портр. (Предшественники научного социализма).
4. **Кампанелла Т.** Город Солнца. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 175 с.: ил. (Предшественники научно-социализма).
5. **Филипченко Ю. А.** Пути улучшения человеческого рода (евгеника). Л.: Госиздат, 1924. 190 с.: ил.
6. **Вольтман Л.** Политическая антропология: исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. [Репр. изд.]. М.: Белые альбы, 2000. 444 с. (Вых. дан. ориг.: СПб: Попова О. Н., 1905).
7. **Кольцов Н. К.** Улучшение человеческой породы (речь в годовичном заседании Русского евгенического общества от 20 октября 1921 г.) // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 1—27.

философии Российской академии наук (Россия, 119992, Москва, Гончарная ул., д. 12/1), hen@iph.ras.ru

References

1. Aristotel' (Aristotle). Politika (Politics), *Sochineniya*, v 4 t., Aristotel' (Aristotle), T. 4, M., Mysl', 1983, pp. 376—644.
2. Platon (Plato). Gosudarstvo (Republic), *Sochineniya*, v 3 t., Platon (Plato), T. 3, kn. 1, M., Mysl', 1971, pp. 89—454, Filosofskoe nasledie.
3. Mor T. (More Th.) Utopiya (Utopia), M.—L., Izd-vo AN SSSR, 1947, 270 p., 1 l. portr., Predshestvenniki nauchnogo sotsializma.
4. Campanella T. (Campanella T.) Gorod Solntsa (City of the Sun), M.—L., Izd-vo AN SSSR, 1947, 175 p., il., Predshestvenniki nauchnogo sotsializma.
5. Filipchenko Yu. A. Puti uluchsheniya chelovecheskogo roda (evgenika) (Ways to Improve Human Race (Eugenics)), L., Gosizdat, 1924, 190 p., il.
6. Vol'tman L. (Woltmann L.) Politicheskaya antropologiya: issledovanie o vliyaniy evolyutsionnoi teorii na uchenie o politicheskom razvitiy narodov (Political Anthropology: the Study of Evolutionary Theory's Impact on Doctrine of Peoples' Political Development). Reprint. ed., M., Belye al'vy, 2000, 444 p. (Original ed.: SPb, Popova O. N., 1905).
7. Kol'tsov N. K. Uluchshenie chelovecheskoi porody (rech' v godichnom zasedanii Russkogo evgenicheskogo obshchestva ot 20 oktyabrya 1921 g.) (Improvement of Human Breed (Address to Yearly Meeting of Russian Eugenic Society, October 20, 1921)), *Russkii evgenicheskii zhurnal*, 1922, T. 1, vyp. 1, pp. 1—27.

Поступила после доработки 28.06.2019

Submitted after updating 28.06.2019

Хен Юлия Вонховна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Сектора философии естественных наук Института

Khen Julia V., PhD, Main Research Fellow, Philosophy of Natural Sciences Sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (12/1, Goncharnaya str., Moscow, 119992, Russia), hen@iph.ras.ru